

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. В. Новиков

КТО БЫЛ БОГДАН БРОННИЦЫН?

В 1838 г. из типографии А. Ф. Воейкова и К^о в С.-Петербурге вышла небольшая книга под названием «Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницким». Она сразу же была отмечена в русской периодической печати рядом отзывов¹, причем автором одного из них (в «Московском наблюдателе») был В. Г. Белинский. Позднейшая критика (А. Н. Афанасьев, А. Н. Пыпин, С. В. Савченко) сборник «Русские народные сказки» выделила как лучший среди сказок XVIII — первой половины XIX в.², и имя его составителя осталось в истории русской фольклористики.

Однако бросается в глаза одно чрезвычайно странное обстоятельство: в литературоведческих и фольклористических работах, а также в специальных справочных изданиях (например, в «Источниках словаря русских писателей» С. Венгерова) Богдан Бронницин если и упоминается, то исключительно как автор единственного труда — сборника «Русских народных сказок». Наша наука не располагает даже самыми элементарными сведениями о жизни этого человека, не говоря уж о его научных взглядах, общественно-политическом положении и т. п. Никаких данных о Богдане Бронницине мы не смогли обнаружить и при неоднократном обращении к материалам крупнейших архивов Москвы и Ленинграда, в том числе к обширной частной переписке различных общественных деятелей и организаций первой трети XIX в.

Естественно, возникает вопрос: мог ли Богдан Бронницин только раз заявить о себе в 1838 г. выпуском сборника сказок, а затем навсегда и бесследно исчезнуть с горизонта русской литературы? Нам представляется это маловероятным, тем более что, судя по сборнику, составитель его был человек, вращавшийся в интеллигентных кругах русского общества, интересовавшийся народной жизнью и фольклором, обладавший, несомненно, писательскими навыками и литературными связями³. Поэтому мы склонны имя «Богдан Бронницин» рассматривать как псевдоним, появившийся на обложке одного из многочисленных изданий сказок, этой презиравшейся в высшем обществе «низкопробной» литературы, которая, как правило, выходила или безымянно, или под вымышленными именами (вспомним, например, «Ивана Ваненко» — писателя Ивана Ивановича Башмакова).

Но если это так, то кто же тогда скрывается под псевдонимом «Богдан Бронницин»?

Наши изыскания дают основание предполагать, что автором, избравшим этот псевдоним, мог быть военный писатель Владимир Богданович Броневский. Правда, мы не располагаем прямыми указаниями на то, что сборник «Русские народные сказки» составлен именно им; не может служить, конечно, веским доказательством и факт созу-

¹ Современник, 1838, № XI, с. 60—61; Сын Отечества, 1838, т. IV, отд. IV, с. 58; Московский наблюдатель, 1838, ч. XVII, июнь, кн. 2, с. 530—537; Литературное приращение к Русскому инвалиду, 1838, № 28.

² «Это, — писал о сборнике С. В. Савченко, — первый у нас опыт цельного собрания подлинно народных сказок» (Савченко С. В. Русская народная сказка. Киев, 1914, с. 117).

³ Последнее, как нам кажется, подтверждается самим фактом печатания сборника «Русские народные сказки» в типографии А. Ф. Воейкова, вокруг которого в 1830-е годы группировались такие литераторы, как И. П. Сахаров, В. Ф. Одоевский и др.

чия выбранного псевдонима действительному имени писателя (хотя с ним нельзя не считаться, ибо ряд известных псевдонимов писателей образован именно так, например, тот же «Иван Ваненко»), зато имеются некоторые косвенные данные, говорящие в пользу высказанного нами предположения.

Известно, что В. Б. Броневский родился в 1784 г. в селе Астахове Тульской губернии Белевского уезда. По окончании Московского кадетского корпуса в 1802 г. он до 1805 г. служил мичманом на Балтике, а затем был переведен на эскадру адмирала Д. Н. Сенявина (под командованием которого принимал участие в многочисленных боевых операциях русского флота в Средиземном море (1805—1810 гг.)). Возвратясь из похода на родину, служил в Черноморском флоте, в 1816 г. по болезни вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. С 1819 по 1828 г. В. Б. Броневский жил в Туле, где состоял инспектором классов Александровского дворянского училища, а с начала 1828 г. был переведен в Пажеский корпус (С.-Петербург) помощником директора и инспектором классов. В 1832 г., будучи уже генерал-майором, он навсегда оставил службу, а через три года, 17 апреля 1835 г., скончался.

Однако наше внимание привлекает не столько эта, чисто внешняя сторона биографии В. Б. Броневского, сколько его интеллектуальная жизнь, его литературные и научные интересы и связи. В. Б. Броневский является автором ряда книг, в том числе таких, как «Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море, под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 гг.» (ч. I—IV, СПб., 1818—1819); «Письма морского офицера, служащие дополнением к запискам морского офицера» (ч. I—II, М., 1825); «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г.» (ч. I—II, М., 1828); «Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 г.» (Тула, 1822), «История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод» (ч. I—IV, СПб., 1834). Его перу принадлежит и перевод с французского романа Вальтера Скотта «Маннеринг или астролог» (М., 1824), а также ряд журнальных статей, в том числе «О народных праздниках» («Московский вестник», 1827, № 23). Он принимал участие (в качестве автора и редактора) в «морской части» Энциклопедического словаря Плюшара. Кроме того, В. Б. Броневский состоял членом Российской Академии, С.-Петербургского вольного общества любителей словесности, наук и художеств и Общества истории и древностей российских при Московском университете. Все это, несомненно, свидетельствует о широте и разнообразии интересов В. Б. Броневского и о его активной писательской деятельности в 1820—1830-х годах.

По своим общественно-политическим взглядам В. Б. Броневский не принадлежал к представителям передовой части русского общества. Его научно-литературные работы пронизаны верноподданническими настроениями и официальным патриотизмом. Вместе с тем автору «Записок морского офицера» нельзя отказать в широкой образованности (достаточно сказать, что Броневский владел тремя европейскими языками — французским, английским и итальянским), острой наблюдательности, пытливым умом и незаурядных способностях. Он проявлял истинный и живой интерес к народной жизни и народной поэзии, что нашло особенно полное отражение на страницах его «Путешествия от Триеста до С.-Петербурга». Это произведение Броневского, к сожалению, до сих пор не попало в поле зрения нашей науки. Мы говорим «к сожалению», так как, на наш взгляд, оно содержит много фактов и наблюдений, далеко не безынтересных для истории русской этнографии и фольклористики.

В отдельных местах произведения В. Б. Броневского ощущается явное влияние «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Это не значит, конечно, что оно впитало какие-то революционные идеи и устремления. Отнюдь нет. Это свидетельствует прежде всего о чрезвычайной популярности книги Радищева среди современников, ее огромной притягательной силе. Следы заимствования из «Путешествия из Петербурга в Москву» особенно отчетливы в рассуждениях В. Б. Броневского о русской народной песне и национальном характере русского человека.

Конечно, раскрытие внутреннего смысла русской народной песни и установление типических черт русского национального характера у Броневского и Радищева имеют лишь внешнее сходство и если совпадают, то только в деталях. По существу же Броневский открыто полемизирует с далеко идущими революционными выводами Радищева («Бурлак... многое может решить доселе гадательное в истории российской») ⁴ и интерпретирует его принципиальные положения в умеренно-либеральном духе.

В предисловии к «Путешествию от Триеста до С.-Петербурга» говорится, что автор имел привычку записывать все, что случилось ему «видеть и заметить», что казалось

⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 229.

ему «достойным внимания и любопытства». В область постоянного «внимания и любопытства» Броневского наряду с историей и этнографией входило и народное поэтическое творчество. В книге он неоднократно касается различных обрядов, игр и песен крестьян Крайны, Венгрии, Галиции, Польши. Он подмечает, например, что у крайнцев «сватовство и свадьбы почти не разнятся от наших» (I, с. 31), что «хороводные пляски также сходствуют с нашими» (I, с. 32); о хороводах в Венгрии он пишет: «На лугу, под тенью столетних дубов, молодые крестьянки плясали и пели, подобно как у нас в хороводных играх» (I, с. 186). Эти и другие параллели свидетельствуют о том, что Броневский хорошо знал русскую песенную традицию и связанные с ней обряды. Впрочем, это подтверждается и его собственными записями нескольких песен, приведенными в конце второй части «Путешествия» вместе с описаниями некоторых народных праздников и обрядов (с. 361—378)⁵. Автор «Путешествия» ориентируется также в русской сказке, представленной преимущественно лубочными изданиями конца XVIII — начала XIX в., в частности сборником В. Левшина⁶. Так, в связи с осмотром в Венгрии одной из пещер, причудливой по своему строению, он пишет: «...я начинаю верить, что в народных наших сказках не без основания повествуется о хрустальных палатах днепровской русалки, золотых чертогах волшебницы Добрады и пр. и пр. Первые я видел своими глазами, существованию последних так же поверю, как и тому, что всеильной Природе, которая разумнее всех кудесниц вместе, нетрудно соорудить дворец не только золотой, но и из одного алмаза» (I, с. 168).

В другой раз сказочный образ Добрады он вспоминает при характеристике Екатерины II, которая, по его словам, подобно этой волшебнице, «любила мгновенно превращать убогую хижину в позлащенные палаты» (II, с. 320)⁷.

В Венгрии Броневский слушает легенды об огромном драгоценном камне, лежащем на вершине горы, куда многие взбирались, но камня так и не отыскали; о пещере, где скрыт клад и вместе с ним талисман, никого не подпускающий к этому кладу; об овраге, в котором обитает злой дух: бросишь в него камень — и он, рассердясь, сотрясает горы, а дыханием своим поднимает бурю; о горе и растущей на ней волшебной траве, которая может обращать медь в золото, и т. д.

Внимание к сказкам, легендам, преданиям, как, впрочем, и к другим жанрам народного творчества (поговорицам, поговоркам, песням) у Броневского довольно устойчиво на всем протяжении его писательской деятельности. Так, в «Записках морского офицера» он рассказывает о бродячих сказочниках Палермо. «Сказочники забавляют народ смешными рассказами, часто замысловатыми. Составляют из скамеек квадрат, слушатели садятся, а сказочник, став посередине, начинает громким голосом, и, сопровождая каждое слово движением рук и ног, объясняет происшествие настоящим действием. Например, если говорит, он упал в грязь, сам падает. Если нужно представить драку, он дерется с паяком, своим вседневным помощником. В праздники рассказ его обыкновенно начинается житием святого, а кончается смехом. В последнюю неделю поста, страсти христовы представляют на самом деле, и в сие время рассказчики, говорящие с большим жаром и обливаясь слезами, получают много денег, ибо народ, не понимая, что по-латински читают в церкви, тем охотнее их слушает» («Записки», ч. II, изд. 2-е, СПб., 1836, с. 207—208). В том же произведении Броневский обнаруживает знание русского былинного эпоса. Именно у черногорцев, заявляет он, «видел перед собой простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильєю Муромцем, Добрынею и другими богатырями нашей древности» (Там же, с. 192).

В книге «История Донского войска...» Броневский признается, что стремясь лучше узнать быт и историю Дона, он слушал «со вниманием и с разборчивостью» суждения о былом старожилов края и изучил «много словесных преданий». Любопытно его высказывание о пятигорских целебных источниках: «Черкесы, так же как и у нас в сказках о них (целебных источниках.—Н. Н.) упоминается, называли их: мертвую, живую и богатырскую водами» (ч. IV, с. 62).

⁵ Заметим, что указанный раздел книги есть не что иное, как перепечатанная (с очень незначительными изменениями) статья Броневского «О народных праздниках», опубликованная годом ранее в «Московском вестнике».

⁶ Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти приключения (ч. 1—10. М., 1780—1783).

⁷ Следует подчеркнуть, что В. Б. Броневский вообще испытывает к Екатерине II особое благоговение, и имя «Северный Семирамиды» встречается как в этой, так и в других его книгах.

В. Б. Броневскому как наблюдателю народной жизни были присущи общительность, желание и умение входить в контакт с простыми людьми. Эти черты наиболее ярко выступают в книге «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга».

Теперь, когда мы познакомили читателя с Владимиром Богдановичем Броневским, обратимся вновь к сборнику «Русские народные сказки» и посмотрим, не обнаруживает ли его автор, Богдан Бронницын, некоторых черт, присущих автору «Записок морского офицера».

Для сколько-нибудь удовлетворительного ответа на поставленный вопрос исключительно важное значение, на наш взгляд, имеет небольшое предисловие к этому сборнику, подписанное Богданом Бронницыным. Предисловие это настолько лаконично, что мы позволим себе привести его полностью. Вот оно:

К ЧИТАТЕЛЯМ

Много писали и говорили о пользе собирания народных сказок, сохраняющих в себе черты народных свойств, поверьев, поговорок и тех особенностей, которые составляют собственность каждого языка и народа. Между собирателями русских сказок почетное место принадлежит *Чулкову*, сохранившему нам знаменитую старинную сказку о *Василии Богуслаевиче*. Сказка эта заслужила внимание императрицы *Екатерины Великой*, переделавшей ее в оперу, и еще недавно расхвалена иностранными писателями по французскому переводу, несовершенно передающему ее красоты. Сказки *Луганского* привлекательны по игровой веселости и живому, мастерскому выражению русского народного остроумия. Сказки, еще прежде изданные под названием *Лекарства от задумчивости* и *Дедушкиных прогулок*, представляют собрание известнейших русских сказок во всей первобытной красоте их и безыскусственности, что имеет большое достоинство, если не для всех читателей, то для знатоков словесности.

Сказки, собранные мною, записаны со слов хожалого сказочника, крестьянина из Подмосковной, которому рассказывал старик, отец его. В них замечателен склад рассказа, представляющего по большей части сбор размерных русских стихов. Самое содержание сказок мне показалось любопытным, представляя изобретательность воображения при всей простоте народной речи.

Богдан Бронницын

Какие же особенности этого предисловия перекликаются с фактами биографии и творческой деятельности В. Б. Броневского?

Прежде всего, предисловие к «Русским народным сказкам» написано бесспорно человеком весьма образованным и по тому времени хорошо эрудированным в вопросах народной поэзии. Автор — не случайный человек и не новичок в русской литературе и науке. Он, подобно Броневскому, прекрасно осведомлен о сборнике «Русские сказки» В. Левшина⁸; знание народной сказочной традиции позволяет ему из всех многочисленных изданий русских сказок XVIII — начала XIX в. безошибочно выделить как наилучшие (заметим: впервые в истории русской фольклористики) сборники «Лекарство от задумчивости и бессонницы» и «Дедушкины прогулки»⁹.

Далее. На предисловии лежит явный отпечаток культа Екатерины II, что, как мы видели, также характерно для Броневского с его умеренно-либеральными взглядами. Говоря о переводе сказки-оперы Екатерины II на французский язык, он дает оценку качества этого перевода, которая не могла бы быть сделана без совершенного знания французского языка (вспомним: Броневский — переводчик с французского языка романа Вальтера Скотта). Наконец, нельзя пройти и мимо такого, на первый взгляд, незначительного обстоятельства, как почти полное совпадение заглавий вступительной статьи к сборнику «Русские народные сказки» («К читателям») и вступительной статьи к книге Броневского «Записки морского офицера» («К читателю»).

⁸ Составление этого сборника в то время и значительно позднее связывалось с именем М. Чулкова, его и называет В. Бронницын в своем предисловии.

⁹ Показательно, что именно эти издания А. Н. Афанасьев много лет спустя называет в числе тех немногочисленных сборников, из которых, по его словам, «можно выбрать несколько сказок не совсем испорченных» (Предисловие к 1-му выпуску 1-го издания «Народные русские сказки А. Афанасьева», I, Academia, М.—Л., 1936, с. 489).

Однако, высказывая предположение о В. Б. Броневском как составителе сборника «Русские народные сказки», мы должны ответить и на вопрос: правомерно ли усматривать в Броневском, умершем в 1835 г., составителя сборника, датированного 1838 г.? Представляется, что вполне правомерно.

Во-первых, сборник мог быть передан А. Ф. Воейкову самим составителем задолго до публикации. Как нам удалось установить, заочное знакомство Броневского с Воейковым произошло в 1822 г. Сохранилось ответное письмо Броневского к Воейкову, в котором он, выражая благодарность последнему за «знаки внимания» и «дружеское» послание, сообщает о высылке в дар книги «Записки морского офицера», рассказывает об истории ее создания и дает согласие на напечатание отдельных очерков из нее в «Русском инвалиде». В письме также говорится о желании Броневского побывать в Петербурге и лично изъяснить «отличное уважение и преданность» своему корреспонденту¹⁰. Может быть, это желание в дальнейшем осуществилось и между обоими литераторами установился личный контакт.

Во-вторых, не исключен и другой, по нашему мнению, вполне возможный вариант: сборник попал в распоряжение близких знакомых Броневского, которые и позаботились о его издании уже после кончины автора. Такими знакомыми могли быть И. М. Снегирев и И. П. Сахаров. Известно, что И. М. Снегирев был цензором переведенной Броневским книги Вальтера Скотта «Маннеринг или астролог» и поддерживал с ним деятельную связь¹¹. Хорошо знал В. Б. Броневского и И. П. Сахаров, который в своих «Воспоминаниях» писал: «В Туле (речь идет о 1820-х годах.— Н. П.) немного было людей, читавших и думавших о чем-нибудь. Вся ученость гнездилась в кадетском корпусе, и то со времени прибытия туда В. Б. Броневского и И. Ф. Афремова»¹². Ко всему сказанному не лишне добавить, что И. П. Сахаров был в числе писателей, приглашенных А. Ф. Воейковым на новоселье 6 ноября 1837 г. по случаю стккрытия типографии¹³.

Итак, мы полагаем, что «Богдан Бронницын» — имя вымышленное, псевдоним Владимира Богдановича Броневского, военного писателя, любителя и собирателя произведений народного творчества первой трети XIX в. Мы привели доводы в пользу того, что не Богдан Бронницын, а Владимир Богданович Броневский был действительным составителем сборника «Русские народные сказки», изданного в 1838 г. в С.-Петербурге. Однако высказанные нами соображения все же не выходят за пределы гипотезы и поэтому должны рассматриваться исключительно в качестве первого шага в постановке и решении этого вопроса.

¹⁰ Письмо В. Б. Броневского к А. Ф. Воейкову от 28 августа 1822 г. из Тулы.— Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 14.

¹¹ Дневник Снегирева. М., 1904, с. 86, 91, 93 и др.

¹² Сахаров И. П. Мои воспоминания.— Русский архив, 1873, № 6, с. 901; И. Ф. Афремов — двоюродный брат В. Б. Броневского.

¹³ Записки И. П. Сахарова.— Русский архив, 1873, № 6, с. 941—952.